
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

Она не покупается золотом и не
приобретается она на вес серебра.

Иов, XV

I

Между темным небом и морем, как дымка, стоял ровный свет луны, кругло и ясно вставшей над горизонтом. На деревьях сада, точно рой откуда-то налетевших огненных колибри, качались и прыгали на невидимых проволоках маленькие разноцветные фонарики. С нелепо освещенной эстрады, где черный паяц-капельмейстер, потешно взмахивая руками и фалдочками, порывался куда-то взлететь, разлетались во все стороны отчеканенные скрипичные звуки, взвизгивали, смеялись и пели, легкими узорными хороводами вылетая из-под темных деревьев на открытый, замороженный лунным светом морской берег. Там танцевали они перед лицом светлой луны, как легкие эльфы, незримые и таинственные в своей призрачной минутной жизни.

Скрестив мощные руки на холодном мраморе столика, Мижув молча и угрюмо поглядывал по сторонам.

Когда он взглядывал на эстраду, все казалось ему суетливо мелким и бестолково шумным, а когда поворачивался в сторону моря, становилось величаво спокойно, задумчиво свободно, как сама высокая светлая луна.

Крутая русая борода его и массивные плечи возбуждали представление о страшной силе и твердой воле, но глаза Мижуба были нездоровые, углубленные, какие бывают у обреченных на смерть.

За соседним столиком кутила компания господ в белых шляпах, ухарски проломленных на боку, и нарядных дам, с резко красивыми лицами и неестественными, подрисованными глазами. Все они громко смеялись, чокались узенькими, как стрекозы, рюмочками, и не переставая острили, при каждой остроте повышая голоса и оглядываясь на Мижуба, причем и у мужчин, и у женщин было мелькающее, выжидательно ищущее выражение. А неподалеку, склонившись вперед, точно нежа под мышками свои белые салфетки, стояли лакеи и не спускали глаз с Мижуба, как будто собирались по первому его знаку бежать и стремглав бросаться в море.

Мижув и видел все, и не замечал. Когда-то это забавляло его, но теперь было только докучно и так привычно, как воздух, от которого не уйдешь и уходить не надо.

- Теодор, отчего ты такой скучный сегодня? - спрашивала его Мария Сергеевна, робко дотрагиваясь пальчиком до крутого локтя.

На ней было вызывающее красивое платье, чуть-чуть открывающее ноги, а на темных пышных волосах качались нежно-розовые цветы шляпы, грустно гармонировавшие с ее поддурманными щеками, печально мерцающими глазами и страстно окрашенными губами.

Мижув медленно, как больной вол, повернул к ней свою упрямую голову и промолчал.

Она была так же возбуждающе красива, как и прежде, и так же сквозь черное кружево светилось ее необыкновенно выхоленное тело. При взгляде на нее у всякого мужчины рождалось острое и требовательное представление о каких-то невозможных сказочных наслаждениях. Но то, что она утратила свое прежнее имя - Марии Сергеевны - и стала называться Мэри, и то, что перестала называть его Федей и вы, а стала звать Теодором и ты, и то, что она бросила любимого мужа и стала жить с Мижубым, убило в нем бывшую еще так недавно благоговейную страсть и возбуждало по временам холодную необъяснимую злобу.

Даже тогда, когда, возбужденный ее голым покорным телом, уже робко просящим ласки, Мижув целовал и мял ее со звериной жестокостью, он уже не чувствовал былой радости, а испытывал только плоское жестокое удовольствие, придумывая неестественные положения, делая больно и унижительно.

Казалось, что он мстил ей за что-то, и видно было, что сам страдал какой-то невысказываемой мукой.